

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ТЕКСТА МИФОЛОГЕМЫ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

Одним из основных свойств мифологического сознания является «сведение сущности вещей к их генезису: объяснить вещь с точки зрения мифа – то же самое, что рассказать о ее происхождении; описать окружающий мир – то же самое, что поведать историю его первотворения» [3 - 172]. Корни подобных представлений лежат в мифологическом отождествлении начала и причины. Знание о происхождении любой вещи является ключом к ее использованию. Само же происхождение связано с действиями сакральных сил, которые являются основателями мира и его законодателями. Совершенные ими действия (космогонический акт) становятся инвариантом для всех последующих. Необходимость повторения действий возникает в результате нарушения правил первоурядка, столкновения с совершенно новыми явлениями, которые не входили в этот первоурядок. Чтобы эти явления стали частью мира воплощенного, необходимо выполнение определенного действия, которое примирит новое (или нарушенное) с вечным¹.

Из всего вышесказанного следует, что сутью мифологического сообщения является сведение области неизвестного (хаоса) к области известности (космоса), то есть упорядочение мира, в котором он обнаруживает свою священную сущность.

Структурно-семантическим ядром мифологического сообщения является повествование о священном явлении (иерофании). Наиболее последовательной формой мифологического повествования является космогонический миф, который содержит в себе правила дальнейшего существования мира и человека. Как правило, космогенез² осуществляется посредством принесения в жертву какого-либо антропоморфного существа или, в более развитых мифологиях, посредством силы мысли и слова. Так, например, индийский бог-демиург Брахма творит мир силой собственной воли посредством слова, египетский Птах также творит мир только «сердцем и языком», просто называя предметы. Ведийский космогонический миф повествует о сотворении мира посредством принесения в жертву первочеловека Пуруши, аккадский – о сотворении мира из тела убитой богини Тиамат, древнекитайский - о прародителе человечества Паньгу, после смерти которого отдельные части тела становятся различными природными стихиями и явлениями, скандинавский - о прародителе мира Имире, из тела которого был создан видимый мир [6].

Космогонический миф служит образцовой моделью для всех последующих действий, в том числе и для обряда бракосочетания. Структурно-семантическим ядром космогонического мифа и мифа вообще является мифологема Священного брака, которая выступает как «конкретная реализация «возрождения» мира и человека» [7 - 93]. Мифологема Вечной Женственности является центральным элементом мифологемы Священного брака, поскольку только в соединении с женской ипостасью бог творит космос, а мифологический герой овладевает истиной и таким образом обретает божественный статус.

В сущности, все колоссальное многообразие мифологических сюжетов сводится к истории единственной главной пары – Мужчины и Женщины, отношения которых и реализуются через мифологему Священного брака. Иерогамия³ в идеале представляет собой «божественное бракосочетание Неба и Земли, результатом которого является космогоническое творение» [7 - 42]. Как правило, женская ипостась первопары символизирует землю, а мужская

¹В том случае, если речь идет о креационных мифах

³ Священный брак

– небо¹. Например, греческая пара Гея и Уран, древнеиндийская – Притхиви и Дьяус, шумеро-аккадская – Ки и Ан. Соотнесенность именно женского божества с образом земли неслучайна. Как отмечает Мелетинский Е. М., «мать-земля остается связанной с хаотическими силами, ибо поверхность земли является областью упорядоченной культуры, но внутри земли находится царство мертвых, которое мыслится на стороне природы и противопоставлено культуре» [4 - 208]. Женские божества, в образах которых олицетворяется земля, сохраняют связь с областью хаоса, являющегося источником зарождения жизни. Примером этому может служить образ Геи, порождающей хтонических чудовищ.

Учитывая, что наиболее последовательной моделью мифа является миф космогонический, описать структуру мифологического текста и определить место и роль в этой структуре мифологемы Вечной Женственности можно обратившись к структуре космогонического мифа.

Главными особенностями структурной организации мифологического текста являются цикличность и континуальность. Это означает, что всякий факт, положенный в основу мифологического повествования, рассматривается в нем не как «новость», случай, эксцесс, а как событие универсальное и закономерное, продукт циклического повторения космогонического прецедента, реализованного в акте умирания – нового рождения мира. При этом рассказы о приключениях богов, тотемических предков, культурных героев, которые воспроизводят первоначальный космогонический акт, являются кодом, посредством которого в мифологическом сознании моделируется устройство природного и социального космоса.

Структуру мифологического текста составляют два уровня: статический и динамический. Статический уровень включает в себя хронотоп, колористику и систему персонажей, объединенных в оппозиционные пары. Динамический уровень представляет собой совокупность пропозициональных связей (функций персонажей), образующих сюжет и сводящихся в целом к двум типам движения: инициации и инкарнации.

Все многообразие элементов пространственно-временного континуума, в рамках которого разворачивается мифологическое действие, основано на различных вариациях двух универсальных оппозиций: центр – граница, сакральное – профанное. Именно асимметрия центра и границы задает структурную упорядоченность мира, в которой проявляется сакральное, которое, с точки зрения мифологического сознания, имманентно присуще миру. «Обретение центра или достижение сакрального пространства приравнивается к посвящению» [7 - 33].

Характеризуя систему персонажей, необходимо подчеркнуть, что каждый из них жестко привязан к определенному сегменту хронотопа. Местом локализации мужской ипостаси абсолютной имперсональной сущности является пространственно-временной центр, который раздваивается в соответствии с двойственным характером мужской ипостаси абсолюта – бога и человека. При этом бог локализуется в сакральном центре, человек (герой, первопредок, культурный герой) – в центре профанном. В топологическом отношении сакральный и профанный центры совпадают. Женская ипостась абсолюта в топологическом отношении всегда локализуется в маргинальном пространстве.

Колористика, являясь элементом статической структуры мифа, наделяет персонажей некоторыми функциональными характеристиками, соответственно распределяющими их по сегментам хронотопа. Например, используя голубой и белый цвет для определения ипостасей мифологемы Вечной Женственности, мы можем говорить об ее софийном начале, при наличии

¹ Исключение составляет египетская пара – бог земли Птах, воплощенный в облике быка Апис (Хапи), и богиня неба Хатхор (Нут), которая представлялась в виде Небесной Коровы

черного и синего – о преобладании демонических черт в образе. Черный цвет также может служить маркером для обозначения человеческой ипостаси абсолюта, а белый и голубой – для божественной.

Динамическая структура мифа, образующая его сюжет, проявляется в совокупности функций персонажей и реализуется через их перемещение из одного пространственного топоса в другой. Причем собственно пространственное перемещение – это преимущественная функция божественной и человеческой ипостасей абсолюта. Говоря о характере этих функций, следует отметить, что направления движения бога и человека противоположны. Бог, утрачивая себя в человеке, перемещается из сакрального центра в профанный, что соответствует инкарнации, а человек, соответственно, обретая свою божественную сущность, движется из профанного центра в сакральный, то есть совершает обряд инициации. Момент, в который бог и человек взаимно утрачивают себя в своих противоположностях, воплощен в мифологеме космогонической жертвы. В основе динамической структуры текста мифологемы жертвы лежит идея перехода¹, репрезентируемая как временное погружение в хаос (маргинальное состояние), которое манифестируется в мотивах сексуальности, еды, опьянения, развлечения, словом, в оргиастическом начале, которое обеспечивает трансформацию смерти в жизнь. Подобные ситуации могут реализовываться в различных формах², однако все они воплощают представление о нарушении миропорядка и символизируют хаос, а затем путем жертвоприношения восстанавливают порядок, то есть возрождают космос.

Два крайних состояния мужской ипостаси абсолюта в момент космогонической жертвы взаимно уничтожаются для того, чтобы, возродившись в своих противоположностях, продолжить цикл абсолютного возвращения. Сигнет порождаемый космогонической жертвой, проявляется в бесконечной пульсации акта умирания-воскресения, который задает ритм абсолютного существования.

Значимость функции женского образа в динамической структуре мифологического дискурса состоит в обеспечении диалога между богом и человеком, в результате которого происходит обмен сущностями. Женская ипостась божества выполняет посредническую функцию переводчика (декодирущего устройства), обеспечивающего взаимопереход (взаимопреобразование) двух элементов коммуникативной структуры, принадлежащих разным языковым сферам, в свои противоположности. Можно сказать, что сфера Вечной Женственности в качестве пропозициональной связки в оппозиции, элементами которой являются бог и человек, включает в себя весь тот бесконечный перечень форм, в которые непрерывно трансформируется абсолют в процессе своей эволюции от бога к человеку: дьявол, демиург, трикстер, ангелы, демоны, духи. Все эти персонажи также локализируются на различных маргинальных уровнях хронотопа.

Посредническая сущность женственного элемента мироздания обуславливает его двойственность. С одной стороны, это космическое, светлое, софийное начало, атрибутами которого являются «мужские» признаки: свет, солнце, заря, день, верх, право, восток, юг, весна, лето, мудрость. С другой стороны, этот образ обнаруживает свою связь с областью хаоса и смерти, атрибутами которых являются «женские» признаки: ночь, луна, бездна, тьма, холод, влага, забвение, низ, запад, север, осень, зима, лево, разум. В первом случае универсальное женственное начало приобретает черты архетипа Софии, во втором – черты архетипа Великой Блудницы. Основная функция последнего – это провокация, искушение, провоцирующее инкарнацию абсолюта и инициацию человека. Провокация и искушение могут трансформироваться в непосредственное противостояние, в откровенно вражеское начало.

¹ Жертвоприношение символизирует этот переход

² Праздники в честь бога Диониса, Флоралии, Луперкалии, более поздние карнавалы [7 - 46]

Очень часто в одном женском образе черты двух архетипов объединяются. Например, уже в V веке начинают различать в образе Афродиты две ипостаси: Афродиту Уранию (небесную) как одухотворенную любовь и Афродиту Пандемос (всенародную), простую и доступную всем. В индуистской мифологии жена бога Шивы, Деви, выступает в двух образах: Парвати (добрая и милосердная) и Дурга – Кали (грозная и воинственная) [5].

Благодаря своей медиаторной функции женская ипостась абсолюта является не только персонажем. Универсальность этого образа проявляется в том, что ему присущи функции хронотопа. Вечная Женственность является сферой интерференции двух противоположно направленных векторов саморазвития абсолюта и средством этой интерференции.

Перечень воплощений женственного начала в образах мировой художественной культуры неисчерпаем, однако все они обнаруживают типологическое сходство в своих основных функциях. Если мужской персонаж циклически умирает в акте зачатия и возрождается в акте рождения, оказываясь сам себе отцом и сыном, то женская ипостась абсолюта – единственный бессмертный и универсальный элемент мифологической триады, непрерывно проявляющийся в различных сущностях. «Женщина, в силу своей единственности, оказывается и Матерью, и Женой единственному Мужчине» [2, 54с].

Мифологема Вечной Женственности реализуется в бесконечном множестве образов. В отличие от мифологем бога и героя, которые являются однопольными, Вечной Женственности присуще андрогинное начало¹. В число ее ипостасей входят как женские, так и мужские персонажи. Они выполняют функции посредников, помощников, посланников, вестников, искусителей, провокаторов. В такого рода образах выражена мысль о необходимости злого, отрицательного начала, благодаря которому добро становится деятельным, сильным, завершенным.

Так, например, в мифологии многих среднеазиатских народов существует злой водный демон Албасты, которого обычно представляют в облике уродливой женщины, которая может принимать образ животных и даже неодушевленных предметов. В индуистской и ведийской мифологии низшие женские божественные существа (апсары) по поручению богов искушают и соблазняют низших божеств (сур) и тех людей, которые своими аскетическими подвигами могут достичь могущества, превышающего могущество богов. В греческой мифологии один из лапифов, Кеней, родился женщиной, Кенидой. Она попросила морского бога Посейдона превратить ее в неуязвимого мужчину, что и было богом исполнено. В индуистской мифологии жена бога любви Камы, Майя, олицетворяет свойственную богам способность к перевоплощению и созданию обманчивых видений, принимаемых людьми за настоящие [6]. Сказочные персонажи, будь то серый волк или Баба Яга, выполняющие функции помощника и провокатора, которые способствуют, в свою очередь, движению и перемещению героя из пространства в пространство, также обнаруживают связь с мифологемой Вечной Женственности.

Таким образом, несмотря на реализацию мифологемы Вечной Женственности в различных демонических ипостасях, их назначение остается неизменным: провокация инициации человека и инкарнации бога.

Семантическим ядром текста мифологемы Вечной Женственности является образ Матери-супруги. Она представляет собой универсальное средство воссоединения противоречивых начал в единосущем (любовь). Структурной основой этого образа является оппозиция жизнь – смерть. Основными периферийными ипостасями мифологемы Вечной Женственности являются образы дочери и невесты. В первом значении она выступает преимущественно по отношению к абсолюту (богу), поскольку является его порождением. Во

¹ Примером может служить образ Гермафродита, Геи, Кибеллы [5]

втором – к человеку, и тогда понятие «невеста» приобретает исходное значение «неведомая», та, которую предстоит познать. В профанном плане соединение героя с ней – знак физической зрелости героя. В духовном аспекте она является источником познания абсолюта.

Вечная Женственность, как мы уже замечали ранее, является не только женской ипостасью абсолюта, но также имеет все признаки хронотопа. Она одновременно является и средством, провоцирующим сближение бога и человека, и сферой, в которой происходит это сближение. Внутри этой сферы (в маргинальном пространстве) Вечная Женственность дробится на множество ипостасей, которые как бы перетекают из одной формы в другую, сохраняя при этом признаки первообраза, однако усиливая иногда отдельные черты. В сфере Вечной Женственности происходит постоянный переход в двух направлениях одновременно. С точки зрения бога – падение в профанный мир навстречу герою, блуждание, перемещение из формы в форму, утрата светлой (духовной) стороны и трансформация в темную (природную, порождающую). С точки зрения героя – возвышение, то есть утрата темной (природной) стороны и обретение светлой. Соединение, предполагающееся в процессе этого противонаправленного движения, неизбежно, но мгновенно. Оно не может стать итогом развития двух ипостасей абсолюта, поскольку это развитие бесконечно и реализуется оно в бесконечном множестве переходов.

Таким образом, главными особенностями структурной организации мифологического текста являются цикличность и континуальность. Структуру мифологического текста составляют два уровня: статический и динамический. Статический уровень включает хронотоп, колористику и систему персонажей, объединенных в оппозиционные пары; динамический уровень представляет собой совокупность пропозициональных связей, или функций персонажей, образующих сюжет и сводящихся в целом к двум типам движения: инициации и инкарнации.

Описать структуру мифологического текста и определить место и роль в этой структуре мифологема Вечной Женственности можно обратившись к структуре космогонического мифа, который является наиболее последовательной моделью мифа. Структурно-семантическим ядром космогонического мифа является мифологема Священного брака. Данная мифологема, в свою очередь, реализуется посредством мифологема Вечной Женственности, представляющей собой сферу интерференции двух противонаправленных векторов развития абсолюта. Семантическим ядром текста мифологема Вечной Женственности является образ Матери - супруги, основными периферийными – образ дочери, в котором она проявляется преимущественно по отношению к божественной мужской ипостаси абсолюта, и образ невесты, сопутствующий профанной мужской ипостаси.

Литература:

1. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. – 5-ое изд. – М.: “Просвещение”, 1975. – 463 с.
2. Лотман Ю. М. Миф – имя – культура// Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Пб.: «Искусство СПб», 2001. – С. 525 – 543.
3. Мелетинский Е. М. Мифическое время и его парадигмы// Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976.- С. 171 – 178.
4. Мелетинский Е. М. Хаос и космос. Космогенез// Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976.- С. 202 – 212.
5. Мифологический словарь// Под редакцией И.Н.Лосевой, Н.С.Капустина, О.Т.Кирсановой. – Ростов-на-Дону: “Феникс”, 1997. – 576 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2т. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 738 с.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб.: “Алетейя”, 1998. – 255 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

РЕЗЮМЕ

В данной статье предпринимается попытка анализа структурной основы текста мифологема Вечной Женственности. Выявляются особенности мифологического повествования. Посредством обращения к структуре космогонического мифа описывается мифологема Священного брака и мифологема Вечной Женственности.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

SUMMARY

The article «The Structural basis of the text of mythologem of Eternal Feminality» regards the sources of the birth of mythologem, the structure of which coincides with the structure of cosmological myth.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ